

ТАЙНЫ МАРИИ-ЛУИЗЫ

КОВАРСТВО МАРИИ-ЛУИЗЫ

I

На расстоянии около ста метров от заставы Клиши, налево от дороги, прорезавшей сады, поля, широкие равнины, ставшие позже городом Батиньодем, а еще позже — многолюдным семнадцатым округом Парижа, в 1914 году находился ресторанчик, хорошо известный парижанам своим легким аржантейльским вином и вкусно приготовленными яйцами. Летом этот ресторанчик посещали веселые парочки и добродетельные семейства, приходившие сюда поиграть в шары, попивая вино и пиво с нантеррскими пирожками и печеньем. Зимой он служил приютом влюбленным, искавшим где-нибудь вблизи от города места для своих свиданий, скрытого от любопытных взоров. Вывеска этого ресторанчика сохранилась до наших дней; крупными синими буквами на серебряном фоне было написано: «Дядюшка Лятой; кабинеты, залы для свадеб и обедов».

В ясное и солнечное, но немного ветреное мартовское утро 1814 года хозяин ресторанчика с крайне озабоченным и возбужденным видом переходил от кухни к погребу и обратно, подбодряя рабочих, торопя служанок и внимательно следя за стряпней на кухне. Иногда он приотворял дверь и, просунув туда голову, озабоченно спрашивал:

— Позаботилась ли ты о белье для большого салона? Везде ли есть масло? Эти господа, кажется, очень требовательны.

— Да-да, не беспокойся! — отвечала госпожа Лятой, маленькая худенькая молодая брюнетка, живая и энергичная, командовавшая всем домом.

Она сидела за своей конторкой, окруженная фруктами и пирожными, аккуратно разложенными по блюдам, с лихорадочной поспешностью записывала заказы в толстую тетрадь и подводила счета. Все ее существо выражало нетерпение: ей хотелось бы одновременно

быть в кухне, в ресторане за кассой и следовать по пятам за мужем и служанками.

Получив такой ответ, хозяин покорно возвращался к своей стряпне, заглядывал в кастрюли, переворачивал жаркое, но, по-видимому, не в силах был отделаться от занимавших его мыслей и снова приотворял дверь к жене, приходившей в бешенство от этих помех в ее хлопотах.

— Не надо забывать о парочке, господине и даме, во втором номере, — сказал он шепотом, — они кажутся вполне порядочными людьми. Красивая женщина, насколько я мог разглядеть, так как она тщательно закрывала лицо.

— Присматривай-ка лучше за жарким! Это будет лучше, чем заниматься красивыми дамами, которые сюда приходят, — раздраженно ответила госпожа Лятюй и прибавила с возрастающим гневом: — Она вовсе не так интересна, как ты находишь. Тяжелая, с квадратной талией, ноги большие. Можно подумать, что она — немка! Господин гораздо лучше.

— Ах, ты разглядела господина? Ну, а я даму, это совершенно естественно! Жаль, что у этого прекрасного господина повязка на глазу.

— Молчи, кто-то идет! — сказала госпожа Лятюй, зоркий взгляд которой заметил пару, медленно приближавшуюся к входу в ресторанчик, где она восседала среди своих ваз с фруктами и бисквитами.

Мужчина был высок и худ, с потемневшим лицом и большими усами, и напоминал Дон Кихота. Он был одет в длинный, застегнутый на все пуговицы сюртук, с ленточкой Почетного легиона. Шляпа, сдвинутая набок, и толстая трость, которой он размахивал на ходу, выдавали отставного военного.

Дама, к которой он относился с видимым почтением, полная, пышущая здоровьем, с открытым лицом и взглядом, была одета как богатая купчиха; за таковую и принял ее хозяин ресторанчика.

«Это какая-нибудь богатая торговка с улицы Сен-Дени, — подумал он, — наверное, обманывающая мужа с солдатом. Держу пари, что по счету будет платить она! — Он сделал гримасу, рассуждая сам с собой: — Женщины слишком наблюдательны и любопытны... я не дам им голубой кабинет; восьмой номер будет для них достаточно хорош!»

— Жюли, — громко позвал он одну из прислуг, — проводи господ в восьмой номер! Вам будет там прекрасно, — прибавил он, обращаясь к

новым посетителям.— Что прикажете подать вам?

Они переглянулись с некоторым затруднением.

Хозяин иронически сказал про себя: «Они пришли сюда, видимо, вовсе не для того, чтобы обедать! Только пусть не воображают, что я отдаю мои салоны птичкам, живущим любовью и свежей водой! Они имеют оба такой глупый вид, что, кажется, я должен помочь им. А ведь они далеко не дети!»

И, приняв изящную и почтительную позу, с легким оттенком иронии, Лятой обратился к своим посетителям:

— Не угодно ли вам для начала дюжину устриц? В виде закуски — колбасу и масло... у нас есть прекрасная розовая редиска. Затем, может быть, яичницу с почками? Не зажарить ли для вас кролика? У нас есть бифштексы, холодные цыплята.

— Дайте нам что хотите, черт возьми, но только не на улице! Ведите же нас куда-нибудь, тысяча бомб! — крикнул переодетый военный, размахивая своей тростью, что могло легко перейти в более энергичное воздействие на спину болтливого трактирщика.

Спутница дотронулась до его руки, чтобы успокоить его.

— Потерпи! — сказала она, а затем обратилась к хозяину: — А ты, дядюшка, покажи нам дорогу; дай нам что хочешь, а потом чем скорей ты уйдешь, тем больше доставишь нам удовольствия.

С этими словами толстая и добродушная дама очень фамильярно ударила слегка по животу дядюшку Лятойя.

Он с негодованием попятился назад и сказал с достоинством, меряя взглядом бесцеремонную посетительницу:

— Служанка Жюли подаст вам.

Сделав знак Жюли, он удалился к себе в кухню, бормоча:

— Это совсем простые люди, восьмой номер еще слишком хорош для них. Жюли! — крикнул он служанке.— Подавай в четырнадцатый номер!

Четырнадцатый номер представлял собой совсем маленькую комнатку, освещенную узким окном, выходившим в темный двор. Он помещался в самом конце коридора, в который выходили более нарядные кабинеты, предназначенные для тонких обедов. Рядом с ним находился большой салон, где обедали пять человек, к которым Лятой относился особенно внимательно.

Жюли ввела гостей в четырнадцатый номер, поставила на стол две

тарелки и два стаканчика и скрылась со словами:

— Сейчас подам закуску!

Переодетый военный прислушался к удаляющемуся стуку ее башмаков, а затем почтительно обратился к своей спутнице:

— Я воспользуюсь отсутствием девушки и произведу разведку.

— Осторожнее, ла Виолетт! — ответила толстая дама, которую Лятой принял за купчиху с улицы Сен-Дени, пришедшую сюда ради любовного приключения.

Это была не кто иная, как герцогиня Данцигская, добрая, отважная супруга маршала Лефевра, которую парижане, солдаты и сам император называли фамильярным именем «мадам Сан-Жень», ставшим достоянием истории.

Бывший тамбурмажор гвардии ла Виолетт, старый товарищ Лефевра еще по республиканской армии, оставшийся другом и исполнителем поручений прачки, ставшей женой маршала и герцогиней, выпрямился и с жестом, говорившим: «Вы можете быть уверены во мне!» — осторожно выскользнул в коридор. Герцогиня осталась одна, видимо, сильно обеспокоенная и взволнованная. В этот ресторанчик, как правильно подумал хозяин последнего, ее привело не только желание поесть жареного кролика и выпить стакан аржантейльского вина.

II

Ла Виолетт вернулся скоро бледный и с лицом, искаженным от тщетно сдерживаемого волнения.

— Что случилось, скажи, ради бога? — спросила герцогиня.

Ла Виолетт приложил палец к губам и взглядом указал на дверь.

— Они здесь? — спросила Екатерина Лефевр, понизив голос.

Ла Виолетт опустил голову.

— Может быть, это ложный слух. Алису оклеветали.

— Я доверяю человеку, который сообщил мне то, что я говорил вам, — грустно ответил он. — Старый солдат, как я, не станет охотно повторять пустые слухи. Я утверждаю и повторяю, что полицейский агент Пак, мой старый полковой товарищ, обязанный, по его словам, мне своим повышением после дела генерала Мале, в котором я, сам этого не зная, исполнил его обязанности, сообщил мне, что дама, которая живет в вашем доме и которую он слишком определенно

описал мне, находится в связи с одним из самых страшных врагов императора, графом Мобрейлем.

— Лефевр говорил мне, что этот Мобрейль, которого я видела как-то раз в Комбо и которого императрица Мария-Луиза напрасно так хорошо принимает, действительно был замешан в заговоре. Он имел сношения с теми, кто замышлял убить императора?

— Только обстоятельства помешали ему в этом.

— Неужели Алиса обманывает своего мужа, нашего славного Анрио, с этим разбойником?

— Женщины не занимаются политикой,— философски заметил ла Виолетт.— Замышлять убийство императора — значит действовать заодно с казаками. Теперь самые честные люди думают об адских машинах. Среди лучшего общества с нетерпением ожидается взрыв, так как русские и пруссаки долго не являются в Париж. Можно подумать, что они нарочно хотят потерпеть поражение от императора.

— Значит, по словам этого полицейского агента, Мобрейль действительно любовник жены Анрио! Бедный мальчик! Что он сделал? За что Алиса разлюбила его?

— Граф Мобрейль понравился ей. Это увлекательный кавалер, умеющий говорить комплименты. А к тому же полковник Анрио уехал, чтобы быть рядом с императором и защищать наводненную врагами Шампань. Он теперь далеко отсюда... где-то у Труа или Эпирнэ; это чуть ли не на границе России! Мадам Алисе было скучно, она и приняла то развлечение, которое представилось ей. Гм... женщины! Это дети, играя, причиняющие зло! — проворчал добрый тамбурмажор.

— А все-таки я готова до полной очевидности сомневаться в этой измене. Она поражает меня, разбивает мое сердце,— с трудом сказала Екатерина.— Я люблю Алису, которую спасла от пожара и смерти во время осады Вердена. Анрио, сын моей благодетельницы Бланш де Лавелин, воспитанный мною и Лефевром,— почти наш сын. Узнать, что он не нашел счастья в этом браке, который так долго задерживался из-за разных препятствий, опасностей и наконец состоялся, для меня было страшным ударом! Ты уверял меня, что здесь мы найдем доказательство неверности Алисы. Я последовала за тобой в этот кабак. Ты обещал показать мне виновных — я жду!

— Я думаю, что Алиса и ее соблазнитель еще не пришли в тот кабинет, который приготовлен для них, если только указания моего

друга Пака правильны.

— Дай бог, чтобы они оказались ложными! Кто знает, что может выдумать слишком усердствующий полицейский агент? Этот Пак знает, как маршал любит тебя, ла Виолетт, и, выдумывая историю относительно Алисы, хотел угодить тебе, а через тебя — зарекомендовать себя Лефевру и императору.

— Пак — человек, преданный императору, и большой патриот. Мне казалось, что во всей этой истории он подозревал нечто другое, чем любовную интрижку.

— А что же? Твой Пак большой выдумщик и может ошибаться. Ведь вот Алисы здесь нет, как он говорил. А граф Мобрейль, может быть, никогда не имел свидания с женой Анрио ни в Комбо, ни здесь. Да и знает ли еще он этот ресторанчик? Я держу пари.

— Не держите, вы проиграете! Я слышал.

— Кого? Графа Мобрейля?

— Да, и еще других. Они здесь, в отдельном кабинете, составляют заговор против Франции! Эти негодяи,— продолжал ла Виолетт сквозь зубы,— стараются помешать движениям императора, расстроить его планы, помочь Блюхеру поскорее достигнуть Парижа. Но это не все! Я расслышал сквозь дверь несколько слов, обнаруживающих более подлый заговор, чем все бывшие до сих пор.

— В чем же дело?

— Тсс! Подождите!

Служанка вернулась с посудой и кушаньями; поставив все на стол, она удалилась. Екатерина принялась за еду, чтобы не возбудить подозрений у хозяина ресторанчика, и в то же время расспрашивала ла Виолетта. Последний коротко рассказал ей, что пять или шесть человек, среди которых он узнал графа Мобрейля, обсуждали отчаянное положение, в котором находился Наполеон. Дело в том, что после великой катастрофы, постигшей Наполеона в России, его недавние союзники тотчас же подняли головы. Первой была Пруссия. Она заключила союз с Россией и объявила вместе с императором Александром войну Франции. Во главе прусской армии встал Блюхер, во главе русской — Витгенштейн. Однако Наполеон не дал союзникам застать себя врасплох и быстро собрал армию, значительно превосходившую силы союзников. Военные действия начались 24 марта 1813 года (всего через три месяца после переправы через Березину). В

мае произошли две большие битвы: при Лютцене (1 мая) и при Баутцене (8 мая). Наполеон благодаря значительному превосходству сил вышел победителем, но это была такая победа, что он же первый повел переговоры о перемирии. 23 мая оно было подписано. Австрия приняла на себя посредничество в мирных переговорах. Однако они не привели ни к каким результатам, и по истечении срока перемирия военные действия возобновились (15 августа). К союзникам тем временем примкнули Австрия и Швеция, и их войска увеличились до 225 тысяч человек (в главной армии). Англия также не прекращала военных действий на море. В августе союзники проиграли большую битву под Дрезденом, но зато победили при Кульме. Затем французы потерпели ряд неудач, закончившихся трехдневной Лейпцигской битвой, в которой Наполеон потерпел полное поражение. Союзники вступили во Францию. Наполеон с лихорадочными усилиями собрал новую армию и двинул ее на войска союзников, а вместе с тем, не прекращая военных действий, повел мирные переговоры, для ведения которых в Шатийон-сюр-Сен собрались представители Австрии, Пруссии, Англии, России и Франции. Шатийонский конгресс потерпел неудачу; предложения мира были только средством дать возможность соединиться армиям Блюхера и князя Шварценберга. Император Александр хотел непременно торжественно вступить в Париж — это должно было вознаградить его за позор Москвы. Герцог Виченцкий тщетно предлагал всевозможные уступки. Союзники только старались выиграть время. Их целью было полное поражение Франции, низложение Наполеона, захват Римского короля, который должен был стать заложником, и учреждение регентства; наследный принц шведский, изменник Бернадотт, казался вполне подходящим регентом.

— Император никогда не согласится на такое регентство,— живо сказала Екатерина.— При своей жизни он не допустит, чтобы кто-нибудь так распоряжался его престолом и его сыном. Или они рассчитывают, что император умрет, что так распоряжаются его наследством?

— Вопрос о наследовании монарху возникает и в том случае, который есть ни жизнь, ни смерть.

— Что ты хочешь сказать этим? Я не понимаю.

— Безумие!

— Но ведь император вовсе не сумасшедший!

— Для вас, для меня, для солдат и крестьян, которые рвутся к оружию,— для всех нас император, разумеется, в здравом уме, и никогда еще его гений не был так удивителен и могуч, как теперь. Но для этих изменников, иностранных агентов, он безумец, или по крайней мере они стараются представить его таковым!

— Это подло! Но кто же эти люди, говорящие таким образом о свободе Римского короля и рассудке Наполеона?

— Это все влиятельные особы,— с горечью ответил ла Виолетт.— Там находятся коварный хромой Талейран, Фуше, который бывает причастен ко всякой измене, герцог Дальерг, оставшийся, несмотря на благодеяния Наполеона, доверенным лицом и шпионом Нессельроде и Стадиона; архиепископ Прадт, интриган, всецело преданный коалиции; кроме того, там же есть тайный эмиссар Бурбонов, которого я не знаю, переодетый курьером; они называли его, кажется, Витроллем. Прекрасная компания иуд-предателей!

— Новая победа императора уничтожит их заговор. Да и императрица не согласится на их замыслы. Кто осмелится сказать ей о регентстве, достигнутом посредством преступного объявления ее мужа сумасшедшим?

— Не рассчитывайте на императрицу! — живо сказал ла Виолетт.— Голос — единственное, что почти невозможно изменить. Послушайте! Только что открылась дверь в конце коридора, где в таком же кабинете, как этот, сидят мужчина и дама. Мужчина переходит из этой комнаты в большую, где сидят заговорщики. Я заметил его переходы туда и обратно и узнал этого человека. Его голос, конечно, напомнит вам его имя и прошлое, его желания и стремления. Может быть, вы узнаете и женщину, несмотря на принятые ею предосторожности. Пойдемте!

Екатерина поднялась в волнении, но с минуту колебалась.

— Подслушивать у дверей,— сказала она,— то не совсем прилично для герцогини. А впрочем, дело идет об императоре и спасении государства. Пойдем,— обратилась она к ла Виолетту,— и беда изменникам, если они попадут к нам в руки!

Они осторожно вышли в коридор и подошли к двери кабинета, указанного ла Виолеттом. Екатерина наклонилась к двери и услышала серьезный и мелодичный мужской голос, нежно говоривший слова любви.

— Да, моя прекрасная возлюбленная,— говорил невидимый

влюбленный,— пройдет несколько тяжелых дней, а затем наступят для нас недели, месяцы, годы, сияющие счастьем. Вдвоем, вдали от злых, ревнивых, скучных людей в каком-нибудь приятном уединенном уголке — я знаю очаровательные места в Тироле,— среди сельской природы, мы будем жить друг для друга. Пожалее ли вы тогда о том, что всем пожертвовали для меня?

— Я ни о чем не пожалею! — ответил женский голос, полный страсти, и до слуха Екатерины донесся звук горячего поцелуя.

— Я узнала голос,— сказала она ла Виолетту,— это Нейпперг! Несчастный, что он здесь делает? Если его еще раз узнают и схватят, он погибнет!

— Его славный соперник окружен врагами, может быть, уже в плену или убит, а покровители графа Нейпперга находятся в двух шагах отсюда, в салоне, где обсуждается вопрос, объявлять ли безумие Наполеона или регентство Бернадотта. О, Нейппергу нечего бояться!

— Но женщина? Это не Алиса! Кто же это? Боже мой! Неужели...

Ла Виолетт сделал жест негодования и угрозы по направлению к кабинету, где происходила нежная сцена.

— Ее величество императрица! Да, это она, Мария-Луиза, обманывающая одновременно мужа и Францию! Нейпперг передает ее распоряжения изменникам, сидящим в салоне, а ей сообщает об их надеждах. Она председательствует в этом кабаке на совещании предателей, лишаящих Наполеона короны, а разоренную страну защиты.

— Это подло, ла Виолетт! И мы ничего не можем сделать?

— Через неделю, а может быть, и скорее, казаки будут у заставы Клиши; в этом ресторане будут сидеть русские, прусские, английские генералы. Если Париж не будет защищаться, то погибнет вся слава, приобретенная Францией двадцатилетними победами. Нам будут диктовать законы люди, питающиеся капустой и сальными свечами. Ах! Вся моя преданность вам нужна для того, чтобы оставаться здесь, когда там дерутся! Маршал возложил на меня тяжелое обязательство, приказав мне сидеть здесь сложа руки.

— Ла Виолетт, будучи рядом со мной, ты жалеешь о своем доверенном poste, который может стать более опасным, чем ты думаешь?!

— Я не жалею, я повинуюсь маршалу! Все равно мне хотелось бы

поломать несколько казацких пик, черт возьми! Скорее пойдете! Служанка возвращается; ожидая успеха наших замыслов, нам необходимо закончить наш завтрак, не обнаруживая подозрений по отношению к нашим соседям!

Ла Виолетт увлек Екатерину обратно в кабинет, в то время как она в негодовании бормотала:

— О, эта Мария-Луиза! Решительно, австриячки приносят несчастье Франции.

III

Вечером, накануне того дня, когда герцогиня Данцигская и ла Виолетт завтракали в ресторане дядюшки Лятюйя, Алиса, жена полковника Анрио, была погружена в глубокую меланхолию. Сидя на диване в маленькой, изящно меблированной комнате, принадлежавшей к частным помещениям Тюильрийского дворца, она комкала в руках какое-то письмо.

Император исполнил свое обещание, данное молодой чете, покровительствуемой Лефевром и его женой, и тотчас же после свадьбы Анрио и Алиса заняли видное положение при дворе.

Первый год после свадьбы пролетел для Алисы быстро и показался сплошным праздником. Затем наступила разлука. В Германии шла война, колебавшая трон императора. Анрио последовал за императором в печально окончившийся поход 1813 года.

После короткого свидания с молодой женой полковник снова должен был сесть на коня, чтобы следовать за Наполеоном во всех его битвах в Шампани, наводненной врагами. Бриени, Шампобер, Монмирай, Шато-Тьерри, Вошан, Монтеро были местами блестящих, но мимолетных побед, за которыми следовали непоправимые поражения.

Алиса, разлученная с мужем, окруженная всеми соблазнами пустого и бездеятельного двора, скоро стала предметом ухаживаний некоторых офицеров. Это льстило ее кокетству, но ее сердце оставалось холодно, и она без труда отвергала искания своих поклонников.

Из всех блестящих придворных Марии-Луизы, окруживших вниманием и поклонением молодую женщину, только одному удалось обратить на себя ее внимание и благосклонность; это был граф

Мобрейль, которому Талейран сумел вернуть милость императора. Наполеон был в отсутствии и слишком занят для того, чтобы вспоминать о подвигах бывшего шталмейстера королевы вестфальской и той немилости, в которой он находился.

Мобрейль, изящный и обаятельный кавалер, был в большой милости у Марии-Луизы. Злые языки говорили, что этому способствовало рекомендательное письмо ее старого поклонника, когда-то застигнутого Наполеоном ночью в ее комнатах, а именно графа Нейпперга. Мобрейлю приписывали много любовных интриг и успехов. Его репутация привлекла, смутила и покорила Алису. К тому же он сохранял тон старого двора, который всем кружил головы.

В легкомысленной атмосфере императорского двора, утратившего в отсутствие Наполеона строгость и суровость, сменившуюся фамильярностью, хотя и прикрытой торжественностью и строгим этикетом, Алиса, лишенная поддержки мужа, не могла долго устоять. Неизбежное падение совершилось быстро и почти неожиданно. Алиса, мягкая и пассивная, скорее позволила взять себя, чем отдалась.

На следующий день она проснулась точно после долгого сна и с ужасом, недовольная и обеспокоенная, спрашивала себя, действительно ли она стала любовницей Мобрейля. Это случилось так внезапно, почти бессознательно. Мобрейль, как большинство счастливых соблазнительей, явился кстати и с таким расчетом сумел использовать психологический момент, который никогда не наступает для менее ловких людей, что Алиса почти сомневалась в действительности своей вины. Однако измена была совершена, и ничто не могло превратить все происшедшее между нею и Мобрейлем в тяжелый сон, рассеявшийся при наступлении утра.

Любовники — это сообщники, заключившие договор, который не может быть нарушен по произволу. Алисе приходилось терпеть Мобрейля. Его ласки и нежные слова были для нее мукой, которой она не могла избежать. Она не могла заставить себя забыть и не думать об Анрио. Его черты, жесты, звуки голоса, взгляд постоянно представлялись ей с необыкновенной ясностью; она вспоминала, как они по утрам, проснувшись, болтали, хохотали и дурачились в своей уютной комнате. В объятиях любовника она снова переживала счастливые минуты, проведенные с мужем. Отдаваясь Мобрейлю, она бывала вяла и пассивна, печаль, угрызения совести, стыд обессиливали

ее, но потом вдруг точно пьяная женщина, отбрасывающая от себя всякий стыд, она отвечала на его ласки так горячо, точно беззаветно разделяла его страсть. Но если бы в одну из этих минут опьянения Мобрейль мог, приложив ухо к груди Алисы, услышать то, что говорило ее сердце, бившееся рядом с его сердцем, но не для него, он с удивлением услышал бы имя мужа.

— О, мой Анрио! Как я люблю тебя! Как я хочу любить тебя! — шептало сердце бедной Алисы.

Она насилowała свое воображение, отгоняя действительность и стараясь сохранить мечту. Она в объятиях Мобрейля мысленно обнимала Анрио и искала его поцелуев, обманывая таким образом мужа делом, а любовника — мыслью. Анрио владел ее душой, Мобрейль — только телом.

После таких двойственных ласк Алиса забиралась в какой-нибудь темный угол своей комнаты или зарывалась в подушку и после ухода Мобрейля плакала долго и с наслаждением, призывая отсутствующего мужа, которого она только и любила и любовь и уважение которого готова была купить ценой жизни. Казалось, что в эти часы жгучего раскаяния слезы смывали позор измены. Но когда жизнь принимала обычное течение, к Алисе возвращалось сознание своей преступной слабости, а вместе с ним горькие сожаления, отчаяние и гнев. Она вполне сознавала свою измену: Мобрейлю она принадлежала, и те мысленные ласки, которые она посылала далекому мужу, не могли уничтожить действительных поцелуев любовника.

Эта борьба и эта пытка продолжались до начала февраля 1814 года.

Вдруг Мобрейль перестал приглашать свою возлюбленную на свидания маленькими таинственными записочками, производившими на нее впечатление вызова в суд. Он исчез, не сказав ни слова и даже не попрощавшись. Алиса говорила себе: «Он вернется». Но время шло, не принося никаких сведений ни о месте, где он жил, ни о его стремлении возобновить прерванные сношения. Это внезапное и упорное молчание удивляло Алису.

Между ними не произошло никакой ссоры: последнее свидание было таким же, как и все предыдущие; не было ни упреков, ни каких-либо недоразумений. Покидая ее, Мобрейль при последнем поцелуе сказал: «Мы увидимся, вероятно, послезавтра; наш посланный известит тебя!» Но пришел этот день и посланный, один из слуг обер-

гофмаршала, не сунул Алисе в руку обычного письма. Будучи скромным, этот человек ответил, что ему нечего передать, так как он ничего не получал от камердинера.

Ясно, что это был разрыв.

Алиса обрадовалась и вздохнула с облегчением, чувствуя себя освобожденной. Кошмар этой тягостной любви рассеивался. Она была свободна от этого человека, которому так неразумно, необдуманно отдалась во власть, и теперь могла спокойно любить своего Анрио. Он не должен был ничего знать или подозревать и таким образом мог продолжать быть счастливым. Она так любила его и готова была искупить свою вину удвоенной нежностью! Счастье возвращалось к ней вместе со свободой.

Но вдруг Алиса испугалась мысли, что это было только временное освобождение. Мобрейль опять вернется, снова подчинит ее себе, и теперь уже надолго, навсегда должна захлопнуться ее клетка.

У Алисы явилось подозрение, что, быть может, отсутствие ее любовника не было добровольным. Она смутно угадывала темные замыслы, в которых участвовал Мобрейль. Он был членом заговора и, может быть, теперь был изблещен и арестован. Однажды после свидания кто-то следил за ними; Мобрейль заметил настойчивое внимание какого-то человека, довольно плохо одетого. Он указал Алисе на этого любопытного, по-видимому полицейского агента. Через несколько дней, посетив жену маршала Лефевра, Алиса заметила того же человека, дружески беседовавшего с ла Виолеттом. Она прекрасно узнала его. На ее вопрос ла Виолетт просто ответил: «Это полицейский агент Пак, мой старый полковой товарищ». Очевидно, ла Виолетт не замечал, что его друг Пак занимался шпионством. Алиса решила, что ошиблась, и скоро забыла об этих встречах. Долгое и непонятное отсутствие Мобрейля заставило ее вспомнить об этом, и ее уму тотчас же представилась возможность ареста. Значит, это был только мимолетный отдых; освободившись, Мобрейль снова вернется к ней, и ее страдания возобновятся вместе с горестным рабством.

Но неделя протекала за неделей, а Мобрейль не подавал признаков жизни и ничто не заставляло предполагать возобновления их отношений. Тогда Алиса снова начала надеяться, и радость с утра до вечера наполняла ее душу.

Среди массы новостей, приводивших Париж то в восторг, то в

отчаяние, смотря по тому, приближались ли или удалялись союзники, Алиса особенно стремилась найти известие о громадной, блестящей победе, оканчивающей войну, или о заключении мира, чем обеспечивалось возвращение Анрио.

Надежды и радости наполняли ее весельем, когда вдруг забытый уже ею посланец, о котором она перестала и думать, появился перед ней с письмом в руках.

Мобрейль возвращался и писал Алисе. Значит, она не освободилась, нравственный плен должен был продолжаться. Счастье, которое она испытывала, теперь уходило от нее навсегда, и она возвращалась в рабство, которое считала уже окончившимся.

Письмо, которое она вертела в руках, указывало ей ее судьбу: она должна была повиноваться,— ведь она сама выбрала себе господина.

Мобрейль, не объясняя ни одним словом своего отсутствия и возвращения, назначал ей на следующий день свидание в ресторане дядюшки Лятойя, где они виделись и раньше.

— Я не пойду! — с энергией воскликнула Алиса.— Скорее я убью себя! — При этом она вскочила со своего места, лихорадочно прошлась по комнате и, остановившись, задумалась. Через несколько минут она промолвила: — Нет, я слишком молода, чтобы умереть... Ведь мне придется отказаться от Анрио, которого я люблю и который, ничего не зная, может по-прежнему любить меня. Нет, это невозможно! Умереть? Нет! Мобрейль является препятствием, злом, врагом, его и надо уничтожить, и я его убью!

С этой мыслью Алиса подошла к красивому столику, отделанному позолотой, открыла его, вынула короткий кинжал с изогнутой ручкой, привезенный Анрио из Испании, и спрятала его за корсаж. После этого, зная, что в ее власти освободиться от нового порабощения Мобрейлем, она снова стала весела и даже с нетерпением считала часы, отделявшие ее от свидания. Эта ненавистная встреча в ресторане дядюшки Лятойя, на которую несколько минут назад она смотрела как на новую муку, теперь казалась Алисе милостью судьбы, неожиданным счастьем, а загородный кабачок представлялся ей местом наслаждений и торжества. Ей хотелось бы уже быть там, где ей предстояло на другой день одним ловким ударом освободиться от своего мучителя и снова вернуть себе право и возможность любить своего Анрио.

Нетерпение волновало кровь Алисы, и она дрожала, как в лихорадке;

все ее мысли были направлены к одному — к кабинету в ресторане Лятойя, где она убьет Мобрейля и, смыв кровью свой позор, снова станет безупречной женщиной, достойной своего мужа.

Алиса ни на минуту не задумывалась над вопросом о том, как она объяснит свое присутствие в этом кабинете и что сделает для того, чтобы укрыться от полиции, когда будет найден труп Мобрейля. Женщины, доведенные любовью до убийства изменника, соперницы или врага, никогда не оглядываются назад.

Среди этих лихорадочных мечтаний и мрачных планов Алиса неожиданно получила приказание явиться к Марии-Луизе, переданное ей секретарем императрицы Меневалем. Она немедленно отправилась к императрице. Как только она вошла, Мария-Луиза поднялась и сделала ей знак следовать за собой в маленькую комнатку, примыкавшую к салону. Здесь императрица вполголоса сообщила Алисе странную вещь.

Она только что получила от императора письмо, которое приказывало ей для облегчения мирных переговоров, прерванных в Шатийоне, отправиться на тайное свидание с уполномоченным австрийского императора. Быть может, последний хотел повлиять в пользу зятя на русского императора, стремившегося уничтожить Наполеона, которого он считал постоянной угрозой для всех государей и которого называл мечом революции, поднятым против всех законных государей. Такому заступничеству много могла содействовать Мария-Луиза. Поэтому она должна была осторожно, не вмешивая в это дело никого из государственных людей, войти в непосредственные сношения с назначенным ее отцом агентом и постараться устроить все как можно лучше для Франции и мужа. Тайна была необходима для того, чтобы дать Наполеону возможность продолжать свои действия под Труа и чтобы, в случае неудачи попытки, отчаяние не овладело армией и народом при известии, что для заключения мира обращались к семейным чувствам и такая просьба была отвергнута.

Наполеон добавлял, что вполне полагается на ум, осторожность и любовь своей супруги, надеясь, что она выполнит в строгой тайне это трудное дело, представлявшее последнюю надежду на спасение в случае неудачи последнего маневра, который он предпринимал против коалиции.

Ему неизвестно было имя человека, которого его тесть посылал к Марии-Луизе, и он даже не знал точно, какие ему даются инструкции.

Поэтому он обращался к ее проницательности и искусству, прося ее не пренебречь ничем, что могло бы отвлечь австрийского императора от коалиции и помочь сближению его с зятем и дочерью.

Наконец Наполеон просил Марию-Луизу сообщить ему возможно скорее и точнее о результате свидания, назначенного на восемнадцатое марта в ресторане дядюшки Лятюйя у заставы Клиши.

Офицер, пользующийся его доверием, полковник Анрио, должен был тоже явиться в этот день туда, чтобы получить из рук императрицы ответ уполномоченного императора австрийского.

Алиса почувствовала глубокое волнение, услышав о скором приезде мужа. Анрио будет с нею и защитит ее, придаст ей силы, мужество, уверенность; она больше не будет одинока и беззащитна, находясь во власти нравственных страданий и притязаний Мобрейля... Она чувствовала, что спасена, и только это она поняла из всех слов императрицы. Ее не интересовали ни австрийский император, ни его таинственный посланец, ни война, ни мир. Анрио возвращался, Мобрейль утрачивал всякую власть над нею, и она наконец становилась свободной...

Мария-Луиза, по-видимому, тоже находилась в сильном волнении, которое она старалась побороть. Время от времени императрица поворачивала голову в сторону зала, где дамы щипали корпию для раненых. С беспокойством всматривалась Мария-Луиза в их физиономии, чтобы уловить по выражению их глаз, заметили ли они, догадываются ли, о чем она говорит со своей статс-дамой.

Алиса слегка наклонила голову в ответ на слова императрицы, всем своим видом показывая полнейшую готовность повиноваться; но в сущности она почти не слышала того, что говорила Мария-Луиза; ее мысли были очень далеко. Но одно слово, произнесенное императрицей, вывело молодую женщину из области мечтаний и вернуло к действительности: это слово было «Анрио».

— Итак,— продолжала Мария-Луиза,— вы запретесь в своей комнате, никому не откроете дверь, постараетесь избежать малейшего шума, чтобы никто не мог догадаться о вашем присутствии во дворце Тюильри; все должны думать, что вы отправились в ресторан «Лятюй» на свидание с мужем, который будто бы тайком ушел из лагеря, чтобы повидаться с вами.

— Я исполню приказание вашего величества! — пробормотала

Алиса, вся дрожа.

— Мы приблизительно одного роста,— продолжала развивать свой план Мария-Луиза.— Я надена густую вуаль, меня никто не узнает, все подумают, что это вы. Я, конечно, надеюсь на вашу скромность и рассчитываю на присутствие в ресторане вашего мужа, а он, я думаю, сумеет ввести в заблуждение тех, кто выказал бы попытку шпионить за мной.

— Вы можете положиться на меня, ваше величество,— ответила Алиса,— а за своего мужа я вполне ручаюсь.

В то же время молодая женщина никак не могла побороть тревожные мысли.

«Если я запрусь тайно в своей комнате,— думала она,— я не приду на свидание с Мобрейлем, назначенное там же. Он будет ждать меня. Видя, что меня нет, он начнет расспрашивать прислугу, не приходила ли в ресторан какая-нибудь дама, и таким образом вместо меня найдет императрицу. Может произойти ужасно неприятная история».

Мария-Луиза, ничего не зная о беспокойстве своей собеседницы, дружески простилась с ней, нежно пожимая ее руку.

— Отдайте, пожалуйста, женщине, которую я пошлю к вам,— прошептала она на ухо Алисе,— свое пальто, в котором чаще всего выходите, чтобы не возбудить подозрений в ресторане; кроме того, в вашем костюме мне будет легче выйти инкогнито из дворца. Но особенно убедительно прошу вас сохранить полнейшую тайну. Я передам полковнику Анрио ваш поклон.

Алиса была ошеломлена доверием Марии-Луизы и страшно испугана возможностью встречи Анрио с Мобрейлем. Ее тревожила также мысль, что секретный посланец австрийского императора может увидеть в ресторане французскую императрицу.

Войдя в свою комнату, молодая женщина села в изнеможении на диван и с лихорадочным волнением обдумывала сложный вопрос, идти или не идти на свидание с Мобрейлем. Если она отправится в ресторан, она нарушит слово, данное императрице, обманет ее доверие и даже скомпрометирует ее; если же она разоблачит то, что посоветовал Наполеон и что должно было остаться для всех тайной, она может подвергнуть императора большим неприятностям. Если план Наполеона не удастся, то, согласно разговору, бывшему при свидании обоих императоров, французский народ и армия узнают, что их император не

может рассчитывать ни на какую помощь со стороны Австрии. Враги Наполеона утверждали, что брак солдата Бонапарта с австрийской эрцгерцогиней может быть расторгнут в тот момент, когда счастье повернется к нему спиной. Принцесса могла снизойти до простого смертного, когда он играл первенствующую роль в Европе, но как только он лишится силы и власти, ничто не заставит Марию-Луизу оставаться при муже. Так рассуждали в Австрии, но во Франции не должны были знать об этом.

«Как верноподданная и как приближенная императрицы, я должна оказывать ее величеству повиновение и глубочайшую преданность,— думала Алиса,— а потому мне следует сидеть безвыходно в своей комнате. Но что произойдет в ресторане в мое отсутствие? Мобрейль вместо меня встретит императрицу и узнает тайну, которая должна быть тщательно скрыта от всех врагов Франции. Я чувствую, что Мобрейль — человек вероломный, он несомненно участвует в заговоре, в центре которого находится Мария-Луиза. Его долгое отсутствие и молчание не предвещают ничего хорошего. Наверно, он обделывает какие-нибудь темные дела для тех лиц, которые покровительствуют союзникам. Я должна по мере сил воспрепятствовать этой новой измене. Ввиду того что я не могу предупредить императрицу,— так как мне пришлось бы при этом очернить себя и рассказать о недостойной слабости, отдавшей меня в руки ненавистного Мобрейля,— я вынуждена тоже отправиться в ресторан, чтобы следить за этим человеком и помешать ему привести в исполнение его злостные намерения. Да, мой долг, долг француженки и патриотки, заставляет меня нарушить слово, данное императрице. Да, я пойду, тем более что, раз я знаю, что Анрио там, я не могу оставаться во дворце. Я должна поцеловать своего мужа и сказать ему, как сильно я люблю его».

Вдруг страшная мысль пришла в голову молодой женщине и заглушила радость, охватившую было ее при сознании, что она на другой день увидит любимого человека, с которым рассталась несколько месяцев тому назад.

«А что, если Мобрейль в присутствии Анрио или где-нибудь невдалеке от него, так что можно будет видеть и слышать, вздумает предъявлять права на меня, которые я предоставила ему в минуту слабости? — подумала Алиса, вся содрогаясь.— Впрочем, здесь у меня хранится испанский кинжал,— мысленно прибавила она, прижимая

руку к груди,— и мне нечего бояться Мобрейля!»

Как бы желая рассеять мрачные предчувствия, Алиса быстро поднялась с дивана и прошла в соседнюю комнату, где в колыбели спал хорошенький, с розовыми щечками, грудной ребенок. Молодая женщина наклонилась над колыбелью и тихонько, так, как бабочка касается крылышком цветка, прижала свои губы к спокойному лобику ребенка.

— Этот поцелуй, мой дорогой ангел,— прошептала она,— я передам завтра твоему отцу.

IV

17 марта 1814 года возле деревни Торси у ворот маленькой мызы собралась толпа крестьян. Мыза помещалась на небольшом холме; она была обнесена забором, а возле дома находились конюшня, овин и сарай. Этим скромным имуществом пользовался хлебопашец, бывший раньше на службе у маршала Лефевра, в его имении Комбо. После женитьбы Жан Соваж — так звали обладателя фермы — переехал сюда ради своей жены, так как она была родом из Торси и эта мыза принадлежала раньше ее старой матери.

Жан Соваж отличался большим умом и развитием, чем значительная часть обитателей этой местности. Он вступал в разговор с учителем школы и спорил со священником в церковной ограде, где резвились крестьянские дети.

Находясь на службе в Комбо, Жан Соваж влюбился в молодую девушку, Огюстину, помощницу прачки. Но она отдала предпочтение Сиге, солдату-ординарцу маршала. Блестящий мундир гусара играл не последнюю роль в этом.

У Жана Соважа была репутация отчаянной головы. Он не стеснялся высказывать смелые взгляды; во время свадьбы полковника Анрио, когда крестьяне пировали в саду, он громко осуждал императора и доказывал крестьянам нелепость войны. Екатерина Лефевр, проходя по аллее, слышала этот разговор; она возмутилась, но не отказала от места Жану Соважу, так как он был очень честен и трудолюбив. Несмотря на свою резкую откровенность, Жан ни с кем не ссорился и на него не поступало никаких жалоб.

Маршал Лефевр не особенно дружелюбно относился к

независимому и рассуждающему крестьянину; все его симпатии были на стороне гусара, и потому он охотно согласился на его брак с прачкой Огюстиной, а также сделал невесте хороший подарок и полное приданое. В глубине души Лефевр гордился тем, что мундир солдата одержал верх над блузой крестьянина.

— Этот урод Жан Соваж,— улыбаясь, сказал герцог Данцигский,— со своими миролюбивыми идеями наградил бы нас потомством с куриной кровью; а Сиге, как храбрый солдат, подарит императору целый отряд маленьких гусаров, которыми будет командовать Римский король.

Брак Огюстины и Сиге состоялся; прачка покинула Комбо и переехала с мужем в Торси, на ферму своих родителей. Когда возобновилась кампания в 1813 году, Лефевр потребовал к себе своего ординарца накануне боя при Дрездене. Сиге попал в засаду и погиб. Его тело не могли отыскать, но на опушке леса нашли его сумку; она была вся вывернута и разорвана. По-видимому, несчастный курьер был схвачен на этом месте прусскими аванпостами и затем расстрелян. Перед отъездом в армию Сиге встретился с Жаном Соважем. Указывая на молодую, расстроенную жену, солдат сказал крестьянину:

— Если неприятельская пуля сразит меня, дружище Жан, если мне не суждено будет увидеть мою жену и ребенка, то...

— Брось эти глупые мысли! — прервал его Соваж.— Ты вернешься целым и невредимым, как и всегда.

— Возможно, но послушай, Жан, что я тебе скажу. Ты хороший, четный работник. Правда, ты немного упрям, но сердце у тебя прекрасное. Ты любил Огюстину. По-настоящему она должна была бы выбрать тебя, а не меня.

— Огюстина поступила так, как нашла нужным,— возразил Жан,— я не осуждаю ее. Она умная женщина, такая подруга жизни, какую можно пожелать каждому.

— Она не могла выйти за нас обоих,— философски заметил Сиге,— и теперь, обдумав многое, я решил, дружище, что было бы лучше, если бы она вышла за тебя.

— Ты думаешь? — с горечью переспросил Соваж.— Но скажи, пожалуйста, почему ты находишь, что Огюстине следовало предпочесть меня?

— Потому что я солдат, который по первому требованию должен

вскинуть на плечо ружье и отправиться бог знает куда, а ты, дружище, воюешь только с травой и деревьями. Ну, оставайся на своей земле и заготовливай для нас хлеб. Мы, солдаты, постараемся, чтобы русские казаки и уланы не утащили его у нас из-под носа. Но я затеял разговор совсем не для того, чтобы рассуждать о наших почтенных профессиях. У меня есть к тебе большая-большая просьба: ты можешь оказать мне огромную услугу, Жан.

— Говори, в чем дело? — нетерпеливо спросил Соваж.

— Видишь ли, если я не вернусь назад,— а у меня есть предчувствие, что не вернусь,— я хотел бы, чтобы ты женился на Огюстине и заменил моему ребенку отца. Скажи, ты согласен исполнить мою просьбу? Огюстина полюбит тебя — у женщин это делается скоро,— а мой мальчик даже не будет знать о моем существовании, он еще так мал. Ты станешь для него родным отцом. Итак, я надеюсь на тебя, дружище Жан. А теперь прощай!

Подавив вздох и вытерев слезу, Сиге быстро пожал руку своему бывшему сопернику, а теперь другу, вскочил на лошадь и поскакал по направлению к германским владениям, откуда больше не вернулся.

Жан Соваж сделался мужем Огюстины и отцом маленького Сиге. Через некоторое время у Жана родился собственный сын, и оба мальчика росли вместе, довольные и счастливые.

Все вышло так, как предсказывал гусар Сиге.

17 марта 1814 года Жан Соваж, непримиримый враг войны и слишком воинственного императора, держал в руках ружье. Его окружали крестьяне, вооруженные чем попало. Не у всех были ружья, но отвага и решимость светились на всех лицах, несмотря на то, были ли у них заступы, вилы, железные ломы или огнестрельное оружие.

— Вы знаете меня, товарищи,— сказал Жан Соваж, обращаясь к крестьянам,— мне не нравилось то, что происходило в нашей стране. Я находил налоги слишком большими, а плату за наш труд слишком незначительной. Я не принадлежал к числу людей, ослепленных светом нашей славы. Разделяя удовольствие всех по поводу одерживаемых побед, я в то же время желал меньше трофеев для инвалидов и побольше хлеба для наших амбаров. Да, я все время выступал против тех, кто вовлекал нас в бесконечные войны, кто разбросал по Испании и русским степям французские кладбища. Сегодня же вы видите меня с ружьем в руках, с патронташем у пояса. Теперь я говорю всем вам,

страдавшим от того же, от чего страдал и я: «Вооружимся чем можем и пойдем на врага! Возьмем ружья, если они у нас есть: возьмем вилы, а если они окажутся негодными,— так как ими приходится мало работать в течение уже многих лет,— возьмем палки, будем драться кулаками; защищать даже зубами нашего императора!» Вас, может быть, удивляют мои слова, товарищи?

Конфузливый, но вместе с тем одобрительный шепот пронесся среди крестьян.

— Я хочу объяснить вам, мои друзья, почему я заговорил сегодня на незнакомом вам языке,— продолжал Жан Соваж.— Не я изменился, а изменился Наполеон. Сначала он сражался из-за личных интересов, для трона, лично для себя, для своего наследника, для братьев, для маршалов. Он защищал до сих пор лишь свою славу, теперь же он защищает Францию. Наша родина находится в смертельной опасности. Пожелаем, чтобы император здравствовал для того, чтобы разбить Блюхера и Шварценберга и прогнать нападающих на ту сторону Рейна. Мы должны все собраться вокруг Наполеона, который чудесным образом не склоняется перед ужасными богемской и силезской армиями, имея в своем распоряжении лишь горсточку солдат, преимущественно рекрутов. Среди них есть мальчишки шестнадцати лет, не умеющие даже заряжать ружье. Да, друзья мои, это очень тяжелая война. Мы должны показать русским казакам, что мы, французские крестьяне, можем быть храбрыми солдатами, когда нам приходится защищать нашу землю, наши жилища. Пойдемте, товарищи, к ферме «Божья слава». Вы увидите там, что такое война, и поймете, почему я позабыл о том, что Наполеон был деспотом и слишком сильно любил битвы. Я помню теперь лишь одно: он любит Францию и защищает ее. Вперед, жители Торси!

Жан Соваж поднял ружье и во главе покорных деревенских героев направился к ферме «Божья слава».

V

Бессмертная французская кампания 1813 и начала 1814 года близилась к развязке во второй половине марта. Союзники с большими препятствиями продвигались вперед к незащищенной Франции, которая держалась только благодаря гениальности Наполеона. Но он не мог быть вездесущ, и там, где он отсутствовал, отсутствовала и победа. Наполеон разбил пруссаков в Сен-Дизье, русских в Бриенне, разгромил силезскую армию и отодвинул назад войско Блюхера при Монтере. Враги начинали беспокоиться. Император Александр беспрестанно поглядывал в сторону Рейна и тревожно спрашивал, возможно ли отступление. Никогда еще Наполеон не выказывал таких блестящих способностей, как в эту памятную войну, которая была верхом военного искусства. Хорошо организованным европейским массам Наполеон мог противопоставить лишь остатки своей старой и новой гвардии да горсть молодых безусых добровольцев. Но в своих бюллетенях он тщательно скрывал недостаток войск.

«Вероятно, вы потеряли голову в Париже,— писал он герцогу Ровиго после победы при Вошане,— что сообщаете, что мы дрались по одному против трех. Я всюду распространяю слух, что в моих рядах находится триста тысяч войска, а вы одним взмахом пера уничтожаете хорошие результаты победы. Вы должны знать, что тщеславие здесь неуместно, и первое военное правило заключается в том, чтобы скрыть от неприятеля количество войск, заставить его думать, что это количество очень велико».

Подобная ложь и сверхчеловеческие усилия помогали Наполеону сдерживать вторжение неприятеля. Коленкур, герцог Виченцкий, боролся в свою очередь в качестве полномочного посланника с представителями союзных войск, которые были более склонны подписать мир, чем продолжать войну. Он надеялся, что проигранное сражение настолько ослабит силу Наполеона, что уже больше не придется бояться каких-нибудь непредвиденных выходов с его стороны.

14 марта Наполеон снова выиграл сражение в Реймсе. Генерал Сен-При, командовавший тремя русскими дивизиями и одной прусской, был отодвинут назад. Двадцать пушек и пять тысяч пленников были результатом этой победы. Сен-При, такой же изменник, как и Моро, был

сражен пулей того же стрелка, который попал в битве при Дрездене в бывшего республиканского генерала, перешедшего затем к роялистам и сражавшегося в рядах пруссаков.

— Ловкий стрелок! — воскликнул Наполеон, очень довольный тем, что избавился от двух значительных врагов.

Пока производили ампутацию Сен-При, его войска покинули Реймс и в него вошел Наполеон со своей старой гвардией. В городе зажгли иллюминацию, и восторженные возгласы: «Да здравствует император!» оглашали ночной воздух и достигали кабинета Наполеона, где он сидел за работой.

Около семи часов император позвал одного из своих адъютантов и приказал ему:

— Попросите сейчас же ко мне герцога Данцигского!

Старая гвардия, священный батальон, никогда не покидала в это тревожное время своего императора.

Маршал Лефевр сейчас же прибежал, сильно взволнованный.

— Все идет прекрасно, мой старый товарищ, не беспокойся ни о чем,— весело приветствовал его Наполеон,— неприятель отступает. Мы останемся здесь еще дня два, чтобы восстановить связь с Эперне, Суассоном. Я приказал, чтобы сюда пришла дивизия, находящаяся в Меце. Эти двенадцать тысяч человек будут большим козырем в наших руках. Кроме того, Денуэтт пришлет мне четыре тысячи солдат из Парижа.

— Вы получили письмо от императрицы, ваше величество? — спросил Лефевр.

— Нет, оно от брата Жозефа,— ответил Наполеон, и облако грусти промелькнуло на его лице.

Мария-Луиза, совершенно равнодушная к делам Наполеона, мало заботилась о своих обязанностях регентши и очень редко писала мужу. Ее молчание удручало Наполеона. Он постоянно думал о молодой австриячке, которая уже забыла о нем, между тем как он горячо любил ее. Стараясь побороть свою грусть, император продолжал рассказывать Лефевру новости, сообщенные ему братом.

— Сведения о настроении парижан превосходные,— сказал он,— народ лишь жалуется на мэров, которые мешают ему защищаться. Еще одна победа — и я наведу должный порядок. Обитатели Парижа знают, что такое честь. Не забудь распорядиться, чтобы на Монмартре были

приготовлены пушки для защиты стен Парижа.

— Будет исполнено,— ответил Лефевр.— Разве вы думаете, что возможна осада Парижа, ваше величество?

— Да, все возможно! Но Париж станет защищаться. Парижане не признают авторитетов, не терпят полиции, но питают священный ужас перед нашествием иностранцев. Они не доверяли мне, когда я был могуществен и когда вся Европа склонялась к моим ногам, но теперь они поддержат меня, увидев, что Россия, Пруссия и Австрия двигают свои войска к берегам Сены. Я рассчитываю на патриотизм и силу национальной гвардии в Париже.

— Возбужденные несчастьем, которое грозит стране, они будут драться, как герои! — воскликнул Лефевр.— Я их знаю, я видел их. Ведь я был когда-то лейтенантом национальной гвардии. Правда, это было очень давно! — со вздохом прибавил герцог Данцигский.

— Может быть, ты кончишь тем, чем начал,— заметил император.— Может быть, тебе придется быть сержантом небольшого отряда солдат, отданного под твою команду! А мне, может быть, придется самому прицеливаться из последней пушки в неприятеля,— пошутил Наполеон.— Право, это будет недурной конец для императора и французского маршала. Однако нам еще далеко до этого. У меня есть проект, прекрасный проект, ты потом увидишь. Я уверен, что парижане останутся довольны мной.

— Вы собираетесь, ваше величество, пойти на помощь Парижу? — спросил Лефевр.

— Не совсем так,— ответил Наполеон.— Я хочу спасти Париж, отвернувшись от него.

— Я не понимаю...

— Тебе и нечего понимать,— прервал маршала император,— твоя жена тебе все объяснит, когда мы вернемся победителями. Она умней тебя. Надеюсь, что твоя милая герцогиня Сан-Жень здорова? Вы все еще счастливы в своем супружестве?

— О да, очень! Катрин клялась мне, что разлюбит меня в тот час, когда изменит императору. Это значит никогда! — уверенно ответил Лефевр.

— О, вы оба хорошие, верные солдаты! К сожалению, вокруг вас царит вероломство. Ты знаешь, что этот безумный негодяй Бернадотт приехал в Льеж. Он вступил в сношения с Бенжаменом Констаном —

любовником тяжеловесной старухи де Сталь, которая угощает его кнутом между двумя поцелуями. Император Александр уверяет этого Бернадотта, сделавшегося шведским наследным принцем, что при его помощи он может овладеть французским тронном. И тот верит; я тебе говорю, что он совершенно сошел с ума. У него в голове безумие, а в душе — измена. Но не один он выказал себя изменником. Все те, кого я вытаскил из ничтожества, поставил на самые высокие ступени общественной лестницы, отвернулись от меня; они теперь дают мне коварные советы. Они хотят, чтобы я заключил мир; но разве это возможно? Коленкур сказал им, что я приму то, что будет согласно с моей честью и достоинством Франции. О боже, какая двуличность! И мои маршалы заодно с изменниками.

— Не все, ваше величество! — возразил Лефевр.

— Я знаю, что есть исключения. Но кто бы мог подумать, что Ней, который сражается, как демон, Макдональд и Ожеро, которых я произвел в маршалы, начнут повсюду говорить, что я — единственная причина европейской смуты, что я являюсь препятствием для спокойствия народов? Они хотят заставить меня отказаться от престола; они, может быть, даже надеются довести меня до самоубийства. Но я никогда не сделаю этой глупости. У меня достаточно энергии и силы воли; я им еще покажу себя!

— Ваше величество, вы не должны придавать значения словам, вырвавшимся в минуту неудовольствия. Несомненно, что среди великих полководцев империи существует некоторая неуверенность, колебания, но об измене не может быть и речи.

— Ты ошибаешься. Заговор уже на полном ходу. Изменники хотят захватить императрицу в виде заложницы и провозгласить императором моего сына вместо меня! Глупцы, я больше всего желаю восшествия на престол Наполеона Второго. Это — моя надежда, моя цель, моя мечта! Для царствования моего сына, который будет либеральным и миролюбивым правителем, я в течение трех лет дал двадцать пять сражений; для Наполеона Второго я веду настоящую неравную борьбу, отстаиваю каждый клочок земли, принадлежащей Франции. Но мои недруги слишком торопятся; они нетерпеливее меня. Пусть они предоставят мне свободу действовать. Я должен сначала соорудить трон для моего дорогого маленького Римского короля. Наполеон Второй будет управлять свободными и мирными французами, при нем границы

Франции должны простираться до самого Рейна. Я нуждаюсь в твоей помощи, мой старый товарищ,— прибавил император, нервно пожимая руку Лефевра.— Твои гренадеры охраняют меня от враждебных покушений, в их присутствии я совершенно спокоен за свою жизнь; но мне хотелось бы, чтобы в эту минуту ты был в Париже, возле моей жены и сына, которые подвергаются большой опасности.

— Вы желаете, ваше величество, чтобы я передал команду Удино, а сам отправился сейчас же в Париж? — живо спросил Лефевр.

— Нет, твое присутствие возле меня теперь более необходимо, чем когда бы то ни было. Я задумал великий шаг. Может быть, мои враги будут сконфужены, тем, что я собираюсь сделать. Но прежде всего я должен предупредить о своем проекте императрицу и брата Жозефа. Найди мне, Лефевр, человека, очень ловкого и преданного, он должен передать это письмо моему брату. Прочти его, тогда ты поймешь, в чем дело,— прибавил Наполеон, доставая из кармана листок бумаги.

Маршал познакомился с содержанием письма, которое оказало сильное влияние на судьбу Европы и послужило извинением для пагубного бегства императрицы. Письмо гласило следующее:

«Реймс, 10 марта 1814 г.

Дорогой брат! Согласно инструкциям, данным Вам устно и во всех моих письмах, Вы ни в каком случае не должны допустить, чтобы императрица и Римский король попали в руки неприятеля.

В моих дальнейших действиях может случиться так, что Вы в течение нескольких дней не получите от меня никаких известий.

Если неприятель приблизится к Парижу с такой силой, что всякое сопротивление окажется невозможным, отправьте в округ Луары императрицу, моего сына, придворных лиц, министров, барона Бульери и все богатства. Не покидайте моего сына: помните, что я предпочел бы видеть его в Сене, чем в руках врагов Франции. Судьба Астианакса, пленника Греции, казалась мне всегда самой печальной из всех исторических рассказов.

Любящий Вас брат *Наполеон*».

Лефевр был растроган этим письмом, больше похожим на завещание.

— Раз императрица и король Римский должны оставить Париж,

значит, дело нешуточное,— пробормотал маршал.— Если Париж возьмут, это будет ужасно!

— Все — дело чувства! — возразил император.— Париж совершенно не укреплен. Его могут защитить лишь мужество обывателей и штыки национальной гвардии. Было бы жестоко и бесполезно подвергать нашу прекрасную столицу всем ужасам бомбардировки. Для того чтобы сохранить за собой такую большую площадь, врагу придется рассеять часть своей армии. В это время я начну действовать с тыла. Если Париж будет взят, это еще не значит, что Франция побеждена. Прусский и испанский короли, а также и русский император не считали себя окончательно покоренными, когда мы были в Берлине, Москве и Мадриде. О, если бы я был уверен, что Париж может сопротивляться! Если он продержится только две недели — Франция будет спасена! Как я сказал, мне придется действовать вдали от Парижа.

— Значит, столица потеряна! — в отчаянии воскликнул Лефевр.

— Одна или две победы отделяют от Парижа неприятеля. У меня есть план, я надеюсь на его успех, но для этого меня не должно мучить беспокойство за участь императрицы и моего сына. Укажи человека верного, на которого я могу вполне положиться, я пошлю его в Париж.

— Я могу назвать вам, ваше величество, полковника Анрио.

— Мужа прелестной Алисы, статс-дамы моей обожаемой жены? Да, этот выбор прекрасен. Позови ко мне полковника Анрио, а сам, мой храбрый товарищ, готовься к смелому выступлению, самому трудному из всех тех, которые мы проделали с тобой до этих пор.

— В этом выступлении мы отдалимся от Парижа; вы, кажется, так сказали, ваше величество?

— Да, мы отвернемся от Парижа и неприятеля; это лучшее средство покорить врага.

— Я ничего не понимаю! — пробормотал Лефевр, широко открывая глаза.

— А разве ты раньше что-нибудь понимал? Но это не мешало тебе одерживать победы! Вернись к своим старым привычкам. А пока пришли скорее полковника Анрио — время не терпит.

Лефевр вышел, а Наполеон приказал своему лакею приготовить ванну. В течение тридцати часов император не отдохнул ни минуты. Вошедший адъютант доложил, что курьер просит дать пакеты,